

Д-р фил. Н. А. РЕЙМЕРС.

НАБРОСКИ

1.

В основу одной из моих работ: «Свобода и Равенство» (№ 41 журн. «Путь», Париж, 1933 г.) положена та мысль, что в жизни встречаются умы разного типа, причем это внешне-качественное различие по существу является различием количественным, а именно — в степени одухотворенности индивидов и в высоте того места, которое они занимают на лестнице развития. Там же я намечаю, для примера, три таких типа качественно различных умов, из которых в объективном плане каждый последующий выше и ценнее предыдущего: ум бойца («Аттила»), ум коммерсанта-инженера («Форд») и ум философа-ученого («Кант»). Я даже выразился в том смысле, что хотя Форд, напр., и Ньютон, оба по-своему умные люди, однако, следует признать, что, как тип мышления, Ньютон «умнее» Форда, т. е. он выше стоит на лестнице развития и в большей степени является субъектом познания, нежели упомянутый американский конструктор.

По поводу всего вышесказанного невольно возникает несколько вопросов, а именно:

1) почему человеческая элита, состоящая, казалось бы, из умнейших людей вообще, заключает в себе представителей разных типов ума?

2) Каким образом качественные различия типов ума могут быть сведены к количественным?

3) Почему встречаются, напр., «инженеры» (как тип мышления), которых мы сами при ближайшем знакомстве поставим интеллектуально выше, нежели некоторых представителей чисто-теоретических ученых?

Я думаю, что все эти вопросы находят свое разрешение, если проводить различие между «морфологической» стороной ума и стороной «физиологической».

«Морфологическим» умом я называю качество ума человека, связанное с высотой места, занимаемого им от рождения на лестнице развития. Этот ум носит, так сказать, расовый, наследственный характер, дается при рождении и не может быть приобретен извне. Ум этот определяется не только качествами родителей, но и случайностью зачатия, так что даже у двух братьев он может быть разным. Он связан с анатомическим строением мозга индивида и с

качественной высотой его нераной системы. В этом смысле, можно родиться уже философом, математиком, инженером, купцом или бойцом. Психологически, уже с детства это определяется характером непроизвольного интереса ребенка при созерцании внешнего мира, направленностью его внимания и, так сказать, интенционностью всего сознания вообще. Один, почти от рождения, видит в мире только общие законы и случаи осуществления принципов; другой — считает объекты действительности; третий — или старается подчинить эту действительность своим целям, или же — при ее помощи поработить других людей. Вот тут-то различие по качеству и может быть переведено в категорию количества: тот ум количественно больше и выше, характер непроизвольного интереса и внимания которого выше по существу, т. к. сводится к направленности на более общие и важные для познания вообще стороны жизни.

Очень часто указывают на то, что философы бывают иногда слабы в области математики, а математики с трудом осваиваются на деле с принципами биржевой спекуляции. Все эти случаи могут быть очень легко разрешены, приняв во внимание характер и направленность непроизвольного внимания у каждого из этих типов мышления. Совершенно очевидно, что для философов основные принципы математики не представляют больших трудностей, нежели для самих математиков; однако, недостаток внимания по отношению к этим проблемам и направленность его на более высокие сферы препятствуют философам плодотворно проявить себя в этой области. То же можно сказать и о математике в его отношении к биржевому маклеру.

Теперь представим себе человека, обладающего определенной степенью «морфологического» ума, и вникнем в условия, при которых этот ум может функционировать и проявить максимум своей полезной деятельности. Ответ на этот вопрос дают не только априорные соображения, но и опыт, который учит нас, что соответствующая данной морфологии (или анатомии) физиология должна быть тоже на подобающей высоте. Чтобы прекрасно организованый мозг мог дать то, что в нем заложено, к нему должен быть достаточный прилив крови, и вообще вся функциональная сторона организма должна быть совершенна. Подобно тому, как очень тонко устроенный духовый инструмент остается почти безмолвным, если в него не будет поступать с достаточной энергией воздух, — подобно этому и самый умный от природы человек, в случае болезни или перед смертью, не может интеллектуально дать того, к чему он от природы способен. Это упомянутое выше совершенство в физиологическом обслуживании мозга со стороны организма я и называю «физиологическим» умом.

Этот «физиологический» ум, очевидно, дается тоже от рождения, но может подвергаться значительным изменениям, в зависимости от болезней и образа жизни. Всем известно, что под влиянием недуга или беспутной жужни можно, как говорится, «поглубеть», т. е. потерять память, быстроту мысли и т. д., хотя совершенно очевидно, что эти процессы не затрагивают того, что я выше назвал «морфологиче-

ским» умом. Эта моя мысль, повидимому, зафиксирована и обычным словоупотреблением. В самом деле, ведь нарушение физиологии мышления вызывает «слабоумие», тогда как разрушение анатомии мозга и нервной системы производит «безумие». Возвращаясь к физиологической стороне мышления, нужно подчеркнуть и то всем хорошо известное явление, что прием, напр., наркотиков или же одержимость любовью, связанная с общим подъемом деятельности организма, — способны иногда изумительно обострить ум человека, поднять его остроумие и даже, по именованию Платона, хоть на момент сделать его поэтом. Не следует, однако, забывать, что даже под влиянием импульса жизни человек не перейдет того предела, который связан с его местом на лестнице развития и дается вместе с его «морфологическим» умом.

Теперь обратим внимание на очень важное обстоятельство, которое заключается в том, что от природы эти два ума (или две его стороны) могут встречаться у отдельного человека в самых разных комбинациях друг с другом. Можно, напр., от природы обладать высокой качественностью мышления (ум М) и в то же время, благодаря, скажем, болезненности, — очень слабой его физиологией (ум Ф); возможна и совершенно обратная комбинация. Человек первого типа будет обладать недостатком памяти и сообразительности, производить на окружающих впечатление тяжелодума и лишь в моменты улучшения самочувствия сможет подняться иногда до больших высот и даже создать бессмертные произведения. Люди второго типа — с посредственным умом М и умом Ф, находящимся в блестящем состоянии, — обыкновенно чрезвычайно остроумны, быстро мыслят и отличаются находчивостью, *vifs à la réplique* и т. д., — но никогда не поднимутся выше тривальности. Это — типичные «первые ученики» или, как говорят, «способные» люди. Мне кажется, что к этому типу ума (ум Ф) следует отнести и Вольтера, и Анатоля Франса, тогда как представителями другого типа (ум М), повидимому, следует считать Канта и Монтескье. Если представители этих двух типов ума отдаются литературной деятельности, то обыкновенно обладатели ума М оставляют *multum, sed non multa*; что же касается обладателей ума Ф, то чаще всего они в течение всей жизни невероятно шумят, оставляют после себя целые библиотеки своих произведений, содержание которых, если повышать, можно свести к глубине чайной ложки.

Вот тут и дается разрешение всех поставленных выше вопросов. Становится совершенно ясным, что в жизни обыкновенно, за неумением разобраться в качестве мышления, под умом подразумевают просто «физиологический» ум. Этим объясняется также и то, что именно высокая «физиология» (а не качество) мышления выдвигает людей в элиту, т. е. для того, чтобы всю жизнь «плясать на подмостках», нужна прежде всего незаурядная интеллектуальная энергия. Этим же объясняется и необыкновенно низкая качественность мышления некоторых представителей этой элиты: они мыслят плохо, но охотно, много и упорно, — и наверняка при этом шумят!

правительства, стремящегося осуществить благо своего народа, то этой максимой будет, очевидно, то банальное, но очень мудрое положение, что следует предоставить полную свободу науке, тщательно следя в то же время за прессой и направляя ее. Если уж (у черни) то м у, что почему-то называют мышлением, и суждено раз навсегда быть определяемым и з в н е, — то уже лучше, чтобы оно определялось правительственной властью, а не чем-либо иным!

Сколь мало черни, т. е. большинство людей, способна подняться до теоретического (т. е. свободного) мышления, видно хотя бы из того бросающегося в глаза факта, что большинство людей (применяясь к своему собственному мировоззрению) о н р а в с т в е н н ы х качествах какого-либо индивида судит обыкновенно п о е г о словам, а о б и н т е л л е к т у а л ь н ы х — по его поступкам, хотя совершенно ясно, что нужно судить как раз н а о б о р о т. Этот по существу практический склад большинства людей, т. е. черни, очень легко проверить на опыте. Попробуйте в обществе выступить в защиту каких-либо извращений — и все сейчас же решат, что и вы грешите в этом направлении; что же касается, с другой стороны, деятельности тех людей, которые не достигли богатства, то большинство объяснит ее себе недостатком ума и умения, причем никому даже не придет в голову, что эти люди к богатству и не стремились.

Ко всему сказанному нужно прибавить следующее. Если мы возьмем человеческого примитива, т. е. представителя черни, то ни одно из теоретических качеств идеи не сможет повлиять на характер его реакции на нее; единственное, что может повлиять на эту реакцию — это ч и с т о - в н е ш н е е о б с т о я т е л ь с т в о частоты воздействия этой идеи. Мысль эту прекрасно понял Адольф Гитлер — большой знаток в этой области. Не создавая себе никаких иллюзий, он говорит, что любая идея, если ее упорно повторять, будет принята толпой за реальность. Да и мы сами, перед «Мюнхеном», могли легко убедиться, что большинство окружающих нас знакомых не только не обладают свободой духа, но являются прямо-таки автоматами, движущимися под влиянием прессы, подобно авиону без пилота — под воздействием волн Т. S. F. Вообще, внимательное наблюдение над людьми в эпоху упомянутого кризиса давало гораздо больше в смысле понимания политической жизни, нежели ознакомление даже с целыми библиотеками соответственной литературы.

3. *)

Никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня одна статья г-жи X в одной «левой» газете. Эта статья была, кажется, озаглавлена: «Недостаток глазомера», и основная идея ее была, примерно, следующая: как, дескать, трудно судить о буду-

*) При всей своей симпатии и уважении к автору этой статьи, редакция тем не менее, не может не отметить своего несогласия с ее тоном и принятым в ней способом выражения своих мыслей. — Ред.

шем! Эта мысль доказывается на примере двух левых «богов» — известного адвоката У и писателя народника З. Г-жа Х высказывалась в том смысле, что «на что уж у м н и ы е люди», однако, один из них в Государственной Думе, а другой после посещения Рейхстага — выразились, примерно, в следующем стиле: «Самоуправление (в России и Германии) такое завоевание, что никакие силы не смогут в будущем отнять его у народа». Однако, как с грустью приходится констатировать г-жа Х, от парламентов в обоих случаях остался кукиш.

Прочтя это, я почувствовал себя дурно, т. к. невольно задал себе вопрос: откуда эта, в данном случае, мягкость выражений — «недостаток глазомера»? Ведь неспособность при рассмотрении материала различать существенные черты от поверхностных и несущественных и неумение подводить многообразные опыты под единый принцип — по-ученому называется недостатком способности суждения, а по-народному — просто глупостью.

Этот эвфемизм г-жи Х был бы вполне простителен, если бы в нашем распоряжении не было других фактов. В самом деле, в старой России я, напр., помню очень много скромных и благожелательных людей, живших в деревне: дворян, помещиков и отставных офицеров. Эти люди искренно хотели реформ, улучшения быта крестьян и т. д., однако, на предложения «левых» ограничить императорскую власть в английском стиле или ввести в России республику, они только смеялись: «Да что вы, шутите: у нас — республику? Это совершенно невозможно! Вы, что же, хотите обратиться Россию в Мексику? А знаете ли вы, что у нас, если умеючи взяться, и крепостное право вернуть можно, а вы — республику!» Этих людей обыкновенно называли (и в числе других, наверное, и сама г-жа Х): обскурантами, мракобесами и т. д., однако, последующая судьба нашей страны и всего мира доказала совершенно обратное — и это следует подчеркнуть. Оказывается, эти скромные люди, не обладая никакой особой начитанностью, в самом точном, и аучном смысле оказались просто умнее, нежели все эти У, З, г-жи Х, вместе взятые. Эти скромные люди обладали тем, что я выше называю «морфологическим», творческим умом, тогда как переименованные «красные и розовые боги и полубоги» — только прекрасной физиологией мышления, которая помогала им всю жизнь «плясать на подмостках».

К этому нужно прибавить, что среди «левых» вообще имеются случаи прямо-таки изумительные. Жизнь иного джентльмена — сплошная цепь интеллектуальных банкротств, а он все-таки, с железным упорством, цепляется за «подмостки» и продолжает давать советы. Эта цепкость и жизненность может вызвать даже своеобразное уважение — не в плане, конечно, человеческих достоинств, а по линии чистоживотных качеств: эти люди ведь прекрасно знают, что на «подмостках» — не только аплодисменты, но и бифштексы. Все же, мне кажется, наиболее достойным поведением для этих людей было бы следующее: стать на колени на перекрестке улиц и, подняв руки к небу, взывать к прохожим: «Доб-

рые люди! Плюйте мне в бороду, старому «ишаку» — седому, как лунь, и глупому, как колода!»

Кстати, часто применяемое выражение «революция доказала» не вполне точно. В самом деле, ведь со времени торжества «освободительных идей» в России — ни в политическом, ни в экономическом отношении — не произошло, строго говоря, ничего такого, чего нельзя было (я общих чертах) предвидеть, так сказать, «a priori», — что и на деле предвидели и предсказали те, кто были поумней.

4.

Несколько лет тому назад, в одном обществе, я высказался в том смысле, что Великий Князь Кирилл Владимирович имеет все шансы занять престол своих предков, — что было бы чрезвычайно желательно, помимо всего прочего, уже хотя бы потому, что мнений — много, а «Готский Альманах» — один. Одна либерально настроенная дама при этом спросила меня с некоторым испугом: «Неужели вы думаете, что возможно возвращение к старому?» Я ее немедленно успокоил, сказав: «Нет, сударыня, к старому, как вы его понимаете, возврат невозможен; при совершении почти уничтожении в России культурного служилого сословия и при жутком понижении уровня народного правосознания, тот либерализм, напр., который был при покойном Государе — теперь совершенно не осуществим. Нечто в стиле Ивана Грозного или же Николая Первого — это еще куда ни шло!»

В самом деле, достаточно, напр., вспомнить об описанном Кони. в «Мемуарах», его принципиальном расхождении по вопросу о несменяемости судей с графом Паленом, с этим вельможей, который, очевидно, лично для себя ничего не хотел, так же, как и сам Кони, — чтобы понять высоту и тонкость правовой жизни до революции и ту пропасть, которая ее отделяет от теперешнего состояния.

В связи со всем сказанным, должен прибавить, что утверждение, напр., «левых», что они не согласны на восстановление прежней монархии, — у меня невольно вызывает улыбку. Получается такое впечатление, что, дескать, более «умные» устройства следует обсудить, что же касается прежней монархии, то она всегда в нашем распоряжении. В течение 20 лет обращать в России «жизнь — в каторгу, а каторгу — в господствующее сословие», а потом, устав, сказать: «поиграли — и за щеку, вернемся к старому» — нет, это было бы слишком прекрасно! На самом деле, мы не должны забывать, что прежняя монархия, в правовом отношении и для нас теперь недостижимый и, так сказать, «трансцендентальный» идеал, нечто вроде регулятивной идеи, — а не реальность, которую взяли с поляки и поставили на свое место.

Самое большее, что мы можем теперь сделать, это — учесть условия времени и происшедшие в России и в мире перемены — создать строй, своим внутренним смыслом наиболее приближающийся к прежней России, заранее примирившись с мыслью, что это все-таки только жалкое подражание; затем — когда «русский

поезд» будет извлечен из опрага и, сильно побитый, поставлен на свои прежние рельсы, нужно постараться, чтобы Россия и впредь продолжала двигаться и развиваться в том же направлении. Но и в, в каком она развивалась в течение предыдущих веков. На этот раз, однако, пришлось бы принять очень суровые предохранительные меры, чтобы хотя теперь гарантировать процесс нормального развития России от нового вторжения в него «иноземцев» и «оголтелых» всех разновидностей — часто даже профессоров, но с интеллектуальным уровнем и историческим инстинктом аптекарского ученика.

К этому следует прибавить, что, повидимому, наиболее удачной реставрацией в истории следует признать английскую, при которой англичане действовали, примерно, по указанному мною рецепту. В самом деле, как бы основательно ни был уничтожен исторический строй, — его воспоминания все же живут в народном сознании — и в устной традиции, и на полках библиотек, и в памятниках старины. Поэтому всякое, даже несовершенное, его воспроизведение все же ближе народному правосознанию, нежели любой из продуктов индивидуального политического творчества.

д-р фил. Н. А. Реймерс.

9 февраля 1939 г.
Париж.

Н. ГАЕВ.

Власть, как общественное явление

...Кто из человекoв знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? (Коринф. Ап. Павла, 1-е, 2-10).

При изучении общественных вопросов мы всегда, в конце концов, упираемся в явление власти. Ее сложная иррациональная природа путает тщательно установленные законы общественных отношений, опровергает самые, казалось бы, обоснованные выводы и заставляет заново переделывать вполне добросовестные труды. Напомним, что марксизм провалился на вопросе о власти. В учебниках права глава о власти бывает обыкновенно весьма мало содержательной и недостаточно разработанной. Даже русские эмигранты, на себе испытавшие всевозможные режимы и «прижимы», все еще судят о формах власти больше на основании смутных симпатий и антипатий, чем реального знания. Появление новых «тоталитарных» режимов только содействует обострению вопроса. Все это позволяет нам надеяться, что работа в данном направлении, как бы скромна она ни была, не будет излишней.

Стихийный характер явления власти.

Существует необходимость для людей жить друг с другом и существует необходимость добывать средства к жизни. Люди зависят от при-